

На Руси предшественниками «жидовская мудрствующих» в отрицании загробной жизни были стригольники XIV—XV вв. Они учили, как сообщает Стефан Пермский (1386 г.): «Не достоин де над мертвым пети, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за умершаго приносить к церкви, ни пиров творити, ни милостыни давати за душу умершего». Как затем, в 1427 г., писал митрополит Фотий, стригольники «саддукеем онем проклятым подражающе суть, еже и яко и въскресению не надеюще быти мяху». Кроме того, веруя в бога, стригольники, подобно караимам и «жидовская мудрствующим», не веровали в божественность Иисуса Христа: дьявол, говорит в своем послании на Русь константинопольский патриарх, соблазнил их, не сумев прельстить многобожием, в противоположное заблуждение — «сотвори сына божиа тварь именовати». Они также отвергали евхаристию и предавались «книжным мудрствованиям», по-своему толкуя «словеса книжная, яже суть сладка слышати хрестьяном».¹³⁴

Я думаю, имея в виду активность караимов в XIV в. в Византии, Турции и Болгарии, что стригольничество — след первого влияния караимства в северной Руси. (Не удивлюсь, если само загадочное слово «стригольник» объяснится, как и «хион», из еврейского языка).¹³⁵

Есть и иное свидетельство о проникновении караимов в северо-восточную Русь в XIV в., еще в первой его половине.

Приписка на знаменитом Сийском Евангелии, написанном в Москве в 1340 г., датирует рукопись тремя способами: византийским, римским и еврейским. Последнее выглядит так: «...лѣто висикостное, жидовь сего иру[к] в 7-е лѣ[т]...» Н. А. Мещерский, блестяще исследовавший и издавший эту приписку и установивший правильную дату окончания рукописи (25 февраля 1340, а не 1339 г.), поясняет, что «сего иру[к]» — это искаженное еврейское «сана арука» или (в произношении ашкеназов) «сено аруко» — «длинный (т. е. високосный) год». Хотя рукопись датирована 6847 г. от сотворения мира, однако «совпадение юлианского високосного и еврейского „долгого“ года в действительности имело место в 6848 г. „от Адама“, т. е. в 5100 г. еврейского летосчисления, который начался в сентябре 1339 г. н. э.»; стало быть, «6847 г. в первой строке записи показывает, что ее составители пользовались мартовским годом, что и дало возможность отнести день 25 февраля к предшествующему году», т. е. к 6847 вместо 6848-го.¹³⁶

Н. А. Мещерский полагает, что датировку по-еврейски Сийского Евангелия сделало возможным знакомство писцов с ашкеназами — евреями-раввинистами, переселившимися в XIII—XIV вв. в Восточную Европу из Германии. Но он упускает из виду — по крайней мере никак этого не оговаривает, — что в приписке «длинный год» назван не 8-м, как подобало бы раввинистам назвать 5100-й год, а 7-м.

позже обвинит еретиков в саддукействе. Вообще же, в существе своем, ересь представлялась Геннадию не «месалианством», как понимает Я. С. Лурье (Идеологическая борьба..., стр. 79, 107), а «иудейством», ересью «жидовская мудрствующих»; иначе как просто «жидовская мудрствующими» Геннадий еретиков и не называет. «Месалианство» и «маркианство» он привлекает, лишь чтобы показать отличие еретиков от обычных правоверных иудеев.

¹³⁴ Источники..., стр. 241, 251, 233, 239.

¹³⁵ Как предполагает гебранстка М. М. Елизарова, оно может отражать какое-нибудь еврейское словосочетание, основанное на словах *sātār* (делать тайным, скрывать) и *gāla(h)* (открывать, обнажать; эмигрировать, быть изгнанным), типа «хранящие откровение» или «тайные изгнанники».

¹³⁶ Н. А. Мещерский. К изучению ранней московской письменности. — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, стр. 94, 98.